

К изобилию!

В жизни советского общества бывают замечательные моменты, в которых как бы сосредоточивается сама история.

Так было в прошлом году на сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, когда Трофим Денисович Лысенко вышел на трибуну для заключительного слова. Несколько дней в переполненном зале советский народ голосами своих передовых ученых утверждал правоту мичуринской науки, связанной с делом народа, служившей делу коммунизма.

И вот снова поднялся на трибуну докладчик — президент Академии. — Товарищи! — вернемся к началу Т. Д. Лысенко. — Прежде чем перейти к заключительному слову, считаю своим долгом заявить следующее. Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его...

Восторженно откликнулся весь зал на эти слова. И когда встали ученые и колхозники, чтобы от всего сердца выразить свою любовь партии Ленина—Сталина, — на минуту стал обормотом с большой высоты славный и трудный путь русского крестьянина, путь из полурассеянности и отчужденности, из мрака заброшенности в благоденствие колхозного строя.

Тысячу лет владычил на борозде подневольный крестьянин со своей домашней оравой.

Человек был подвластен природе — спалим ее ужасных суховей, пагубных морозов с беснежным, внезапного града, боющего прямо в мужские темя, дождливой, вымывающей хлеб осени, тоскливой бесконечной зимой, всепожирающего лупателения овратов... Человек был подвластен природе, свою бессильную надежду обращал к богу. Он верил в бога тем жарче и покаяннее, чем большей была зависимость урожая от слепого произвола природы.

Нужна была такая могучая сила, как великая партия Ленина—Сталина, чтобы вывести крестьянина на светлые исторические дороги коллективного земледелия — самого крупного в мире, самого механизированного, единственно научного.

По генеральному плану Сталина коллективизация и развитие колхозного строя сводили советское крестьянство к гигантским производственным силам, о которых не может и мечтать крестьянство капиталистических стран мира. В исключительной короткий срок люди социалистического общества выходят из-под сатаны и всенародно заволашевают от природы и сами теперь устанавливают над нею свою умную и добрую власть.

Были и в старые годы талантливые люди. Им не хватало для полного развития их талантов только одного — условий, способствующих произрастанию дарования. Шестидесять два года прожил великий Иван Владимирович Мичурин в парской помещичье-капиталистической России, а оставался со своими замечательными трудами неизвестен даже в кругах ученых. С печалью говорил рыцарь передовой науки К. А. Тимирязев: «Если бы у нас было не по одному какому-нибудь опытовому полю на уезд, а десятки, сотни десятков опытных полей, то наш крестьянин знал бы, само растение подкасалось бы ему, что нужно в каждом отдельном случае».

Это была мечта — мечта о соединении крестьянского труда с наукой.

Она исполнилась, эта мечта, в колхозном строе, когда впервые в истории человечества открылись беспредельные дотоле перспективы действительного, почти сказочного по результатам творения человека в природу растительного мира. Овладевая закономерностями, таинскими в природе растения, советские колхозники плечом к плечу с советской наукой вступили на путь изобилия и многократно повсеместно увеличили производительность каждого колоска, каждой культуры, каждого поля.

Почитайте в сегодняшнем номере нашей газеты статью писателя П. Павленко об удивительном наступлении южных субтропических культур на север страны...

Разве не такой же сказочной встает перед нами все, более чем двадцатилетняя история советской агробиологии! Разве не из сказки стелется к нам самое слово: агробиология. А лет ему — двадцать... Весной 1929 года, на Подгумье, была выпущена президентом Академии — старший опытник Денис Лысенко впервые в истории мирового земледелия обработал полевой материал так, что озимая пшеница «Украинка» в условиях прикарпатского хозяйства дала при весеннем посеве полное и дружное выкашивание...

А дальше! Летние посевы картофеля на юге. Грозный сев сорго-сазы на Украине. Трагическая пахота плугами с предвзудником — знаменитой высокой земледельческой культуры. Наконец, гигантский размах лесопосадок и лесных посевов, преобразующих лицо русской степи, кладущих конец вековым суховьям...

Так расширялся от арктических тундрных огородов до чайных плантаций Кавказа, от осушенных болот Белоруссии до возвращенной к плодородию долины Вахши, так бесконечно расширялся фронт великой сталинской борьбы человека социалистического общества с силами природы, борьбы за их полное потребление человеком, борьбы за изобилие.

К изобилию народной жизни направлены все усилия нашей коммунистической партии и советского правительства, — направлены многочисленные, последовательные, взаимосвязанные постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

Чествование Мартина Андерсена Нексе

26 июня исполняется 80-летие со дня рождения Мартина Андерсена Нексе — известного датского писателя, старшего и верного друга Советского Союза, выдающегося общественного деятеля, борца за мир и демократию.

Три недели назад Мартин Андерсен Нексе по приглашению Всесоюзного Пушкинского комитета и ВОКС приехал в Москву на Пушкинские торжества.

Пользуясь присутствием писателя в Советской стране, Союз советских писателей СССР проводит сегодня, 15 июня, в концертном зале имени Чайковского вечер-чествование Мартина Андерсена Нексе в связи с восьмидесятилетием его светлой жизни.

На торжественном заседании будет председательствовать заместитель генерального секретаря ССР СССР писатель К. Симонов. С приветственными словами выступят писатели К. Фелин, А. Софронов, В. Вишневский, Т. Смушгин.

С приветствием в юбиляру обратятся представители общественных организаций Москвы, коллективов центральных газет.

В заключение состоится большой концерт, в котором примут участие лучшие артистические силы Москвы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 48 (2535)

Среда, 15 июня 1949 г.

Цена 40 коп.

Цвети, родная земля!

П. ПАВЛЕНКО

Более ста лет тому назад ботаник Стевен, создатель Никитского ботанического сада, обнаружил, что в Крыму возможна приственная культура лимонев. Делом этим, однако, никто всерьез не занялся. Ботаники, не теряя, занимались оранжерейной культурой цитрусовых, выводили новые сорта и спорили между собой, какой сорт лучше, а Южный Крым попрежнему оставался со своими дикими кустами, пустынно-безобразными балками, маловодный, унылый в той среднерусской покое своей, что тянется между десетным склоном Таврического хребта и узкой лентой приморских парков.

Парки Крыма издавна славилась. Они были в самом деле удивительны. Там, где до русского человека кустился дикая ежевика — ожина, кизильник да козляк дубяк, в течение нескольких десятилетий лопата русского сапера взрыла дикая каменитая «хрип», срывала топором, пробила дороги. На парках привозили из Италии и Испании диковинные деревья и рассаживали их вокруг нарядных дворцов. Русский барин стремился в точности повторить все заграничные красоты, чтобы все было, «как у людей». У кого-то в Нише видели кипарисы — немедленно сажали их в Крыму. У кого-то подгадывали мелкие буксусы, подстриженные под овцу, — сейчас же сажали буксусы и тоже стригли их под овцу или петухов. У кого-то славился настенный плющ — волочил и его. Точно так же поступали и в Батуми, и в Сухуми, и в Сочи. Всюду мерещилась старому барину «Русская Ривьера», и, чтобы никакой разницы не замечалось между Ривьерой своей и иностранной, решено было даже создать собственную отечественную улочку в Гаграх. Чем ездить погрябывать в чужие, патристичные казалося продвухаться в пух и прах дома.

Когда замечательный русский ботаник Краснов провозгласил район Батуми первой русской чайной плантации, восторг конна не было, но чай все-таки продавали выписывать из Китая, из Индии и Цейлона, апельсины и лимоны из Греции, лимон из Туршии, маслины из Греции. А между тем и чай, и цитрусовые, и лимон, и маслина, и многие другие южные и субтропические культуры могли развиваться на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму, в прикарпатских долинах Азербайджана не хуже, чем в какой-нибудь Туршии.

Однотипно-ученые и однотипно-практики, однако, добились многого. Накануне установления советской власти уже засеяны небольшие лимонные рощицы в ботанических парках Батуми и Сухуми, уже произрастали кофейные и гуттаперчевые деревья, лишь опыты над акклиматизацией хинного перца.

В общем, к 1917 году царская Россия могла уже похвалиться, что у нее 160 гектаров собственных цитрусовых. Но вскоре субтропическое хозяйство, став советским, делает гигантский прыжок вперед. Колхозская инициативность, долгие Аджариста и Абхази превращаются в цитрусовый сад. Начинают разводить цитрусы в Сочи. Азербайджанские агрономы закладывают первые субтропические плантации в Астаре. Площадь под цитрусовыми неожиданно достигает 22 тысяч гектаров.

В 1935 году в цитрусовых садах Советского Союза было собрано 150 миллионов мандаринов, лимонов, апельсинов — столько, сколько царская Россия ввозила из-за границы. А теперь урожай в одной только Грузии достиг 700 миллионов плодов.

Любители-практики мичуринского склада, иной раз без поддержки ученых, долго оставшихся в плену косности, смею ставить опыт за опытом. Лет пятнадцать тому назад неизвестный садовник посадил шпирное дерево на открытой холмистой ветрам Арабатской стрелке, в восточной части Крыма. Дерево было предоставлено самому себе. Надземная часть его периодически отмирала, но благодаря живучести корневой системы, куст в один год давал побег до 2 метров высоты и до 4 сантиметра ширины, и на этих побегах к осени появлялись плоды, правда, не успевающие вызреть. Так оформившееся дерево — родоначальник морозостойчивого лимона, и от него уже легко было вывести лимон любого размера плантации.

Яттинцы-любители Апостолы и Беренки и алупкинцы Парьков и Моисеев успешно выращивали лимонные деревья в открытом грунте, собирая с них два урожая в год. Неумолимый П. Джанов, виноградарь «Массарды», недавно награжденный орденом Ленина, самоотверженно боролся с оврагами, заселяя их маслинами, ореком, хурмой и безжалостно выбрасывая все то, что занесено было извне и не являлось необходимым.

Даже в Керчи, с ее пронзительными ветрами и непостоянным теплом, один любитель выращивал гранаты, бананы, кактусы со съедобными плодами, белую фиестаку, японскую хурму.

Старший крымский садовод проф. Колесников видел в крымских предгорьях много одиночных маслин, а под Симферополем обнаружил два куста инжира, уже много лет дающих прекрасные плоды, и замечательный экземпляр пенной ореховой породы — искана, дерева, достигающего 45 метров высоты с диаметром кроны до 37 метров.

Азербайджанцы нашли в селе Кум, близ Астари, огромное апельсиновое дерево, вековое когда и кем посаженное, дающее крупные, отличные на вкус плоды, известных под именем «астаринского апельсина». За морозостойчивое, неприхотливое, высокоплодородное дерево цитрусоводы совхоза имени Багирова.

Появились лимонные и апельсиновые рощицы в Зеравшанской долине Узбекистана. В Самарканде цитрусовод П. Павленко вырастил сорт лимон «Узбекистан» с крупными, иной раз до 170 граммов веса, хорошо выдерживающими лежку плодами, рано созревающим урожайным апельсином и грейпфрутом, отдельные плоды которого достигли двух килограммов веса.

Стали думать о субтропическом хозяйстве в Туркмении.

Но как ни трудились передовики-энтузиасты, как ни добивались они интересных находок в своих опытах, преобразование советского юга долго еще шло бы медленной поступью, не возмись за дело товарищ Сталин. Энтузиаст продвижения южных растений на север, он призвал в благородному делу преобразования нашего юга сначала нас, жителей Крыма, а потом и кубанцев, и азербайджанцев, и туркменов, и украинцев. Тысячи отдельных усилий были объединены этим призывом, и то, что двигало порознь, каждое в своих темпах, теперь сразу приобрело единую, общую скорость и гигантский размах, будучи взято «в план», став не увлечением одиночек, а задачей многих тысяч людей.

И сама эта задача, перестав быть частной, а превратившись в государственную, вдруг как-то незримо облегчилась, точно молниеносно созрела для гигантских масштабов, хотя еще вчера был третьего дня никому не казался такой. Еще слышался голоса отдельных ученых-магистров о рискованности столь широко развернутого опыта, о повлечении за собой о неготовности кадров, а в паре уже росла и крепла вера в новое дело.

Сидеть этих первых дней преобразования было радостно чувствовать, как советский народ любит все новое, смелое и широкое, как легко идет он на любой риск, если видит его масштабность, — и чем они шире, тем легче, тем вдохновеннее поднимается народ на любой штурм. Мне кажется, если бы возникла мысль рекомендовать каждому колхознику Крыма посадить у себя под окном свой личный лимон, — дело не сдвинулось бы с прежних позиций. Как дело личное, свое, домашнее, собственное, оно не привлекло бы никого. Но как общее, оно возбудило огромные массы, и они с энтузиазмом взялись за него — и доведут до конца.

В конце прошлого лета Крым услышал призыв И. В. Сталина полюбить с прежней природой и переосоздать ее заново, с учетом новых понятий о красоте, с учетом новых запросов наших к природе.

Проделав огромную работу по развитию своего цитрусового хозяйства, Грузия немаленько превратилась в монополиста субтропических культур. Редкими рощами проликали они в районы Сочи и Адлера, в то время как наблюдения многих лет доказывали возможность широкого наступления нашего юга на север. Давно ли кубанский колхозник с недоумением разглядывал семена хлопчатника и зерно риса, а украинский — покачивал головой, когда ему рассказывали о кок-сагызе? Хлопок выросла на Украину, кок-сагыз еще севернее, а мандарины, лимоны и апельсины все еще застенчиво топились на черноморских берегах Грузии, Эвкалиптовые рощи не достигли устья Кубани и Крыма. А кофейные деревья и авокадо все еще меланхолически произрастают в теплицах, дожидаясь того дня, когда мандарины уйдут на север и освободят им свои плодородные долины.

Академик Лысенко, слыша о крымских колхозниках, уже посоветовал «тянуть» чай в Москве. Да как же тут утерпеть и не включиться в увлекательнейшее сражение, в многомилионную борьбу с природой, переданку ее по своему желанию и вкусу?

В начале прошлой осени человека, приехавшего в Крым отдохнуть и полегчить, могло поразить огромное количество ям, вырытых по обочинам дорог, на пустах, вдоль улиц, во дворах коммунальных домов и санаториев. Яттинский колхоз имени Калинина, еще не уравнившийся с богатейшим урожаем табаков, решил посадить более двух тысяч плодовых деревьев только на усадьбах колхозников. Полезащитные полосы предусмотрены также на фруктовых деревьях. За одну поездку в район Ятты было выкопано 10 тысяч ям, расчищено 90 гектаров садов и восстановлено 4 оранжереи. Сотрудники Никитского ботанического сада имени Молотова обязались посадить и вырастить по 15 деревьев каждый. Садовник Курьянов решил посадить 20 деревьев, рабочий Бондарев — 25. Началось соревнование дома с домом, квартиры с квартирой, отпов с детьми. Когда ямы врачи Института климатотерапии туберкулеза, копали ямы шпалы Огочетственной войны, отдающиеся в Алупке. Колхозники артели имени Сталина в селе Рыбалке выступили с предложением переправить цитрусовые плодовые деревья на склонах гор, создать свои лево-сады.

В Алупке семидесятилетний садовник Ковтун подготовил для посадок 2000 черенков маслины.

В Кировском районе, в селе Приречном, обнаружился два плодородных инжирных дерева, дающих каждое по полтора пуда плодов. Приречный взялся за культуру инжира, хотя кашат у них не мягок.

В Ленинском, Джанкойском, Нижнегорском и других районах приступили к строительству прудов и водоемов. А партийный актив Советского района принял решение план лесопосадок выполнить на 8 лет раньше срока.

В течение осени 1948 года в колхозах и совхозах одной лишь Ятты было высажено 84 тысячи деревьев, а по всему Крыму число посаженных деревьев перевалило, быть может, за миллион, потому что в дело преобразования природы включились не только южнобережные хозяйства, но и Прииславье, Перекон. В одном лишь Феодосийском зерновозосе (в Прииславье) через 4 года линия полезащитных лесов из абрикосовых и инжирных деревьев составит расстояние от Москвы до Крыма, что-то около 1500 километров. Через год-два трудно будет сказать, какой район наиболее садоводческий, потому что, скажем, Сакский — сегодня картофельный — намерен развести у себя садов больше, чем Алупкинский. Одновременно с посадками цитрусовых разрабатываются работы по возмощению, устройству лесопосадок, введению травопольных севооборотов. Меняется ландшафт Крыма.

Вероятно, так же, в тех же стремительных темпах, в обстановке массового трудового энтузиазма проходит великое дело преобразования природы в других местах.

На Кубани в течение трех лет появится 1 миллион цитрусовых деревьев. Фейхоа, хурма, маслина, инжир, авокадо, эвкалипт и цитрусовые будут в Адлере, Темрюке, Ейске, Майкопе, Новороссийске.

В Азербайджане, где уже много было сделано в предыдущие годы во внедрению культуры лимонев, мандаринов и апельсинов, в 1949—1950 гг. будет высажено 860 тысяч цитрусовых. 750 тысяч эвкалиптов, 270 тысяч других субтропических культур. Чай занимает в Азербайджанской республике уже 20 тысяч гектаров, а заросли дикого граната, могущие быть окультуреными, тянутся на 12 тысяч гектаров. Двадцать лет тому назад астаринский садовник С. Рустамов посадил на пустыре несколько маленьких деревьев садоводческого лава.—сейчас в его роще более 10 тысяч деревьев.

В колхозе имени Кирова, где работает С. Рустамов, субтропические культуры занимают 105 гектаров, туз — 55, колхозный питомник может предложить соседям 100 тысяч различных саженцев.

В молодом цитрусовом хозяйстве в Кырвазде, на роще Пызани, — уже тысячи деревьев была пропана высеивания, и теперь во многих квартирах рабочих и служащих имеется по два, по три дерева в гадах.

Астаринский совхоз имени Багирова дал за последние годы около полутора миллионов мандаринов, лимонов и апельсинов. Но помимо них он выращивает чай, японскую хурму, фейхоа, туз, бамбук и эвкалипт.

У меня нет под руками сведений о Туркмении, о Дагестане, о том, что делается в кубанских станицах, но на примере Крыма можно легко представить себе общий ход и размах движения. В слове сказать, весна нынешнего года была не самой масштабной, — малочисленные и маломощные питомники на местах, ограниченные возможности завола саженцев из Грузии, неопытность новых цитрусоводов и известная недоценка народной инициативы со стороны земельных органов и некоторых научных учреждений, еще не забывшихся от сдобности и скептицизма, создают ряд временных затруднений и ограничивают масштабы работ.

По осени, когда в дело сталинского преобразования природы включаются отряды городских и деревенских школьников, когда посаженные весной и укрепившиеся деревья начинают уверенно встать в побеге, — нынешний осенью уже четко намечается новый облик советского юга. Все, что испробовано накопывалось в течение десятилетий кропотливого исследовательского труда, хлынет потоком в колхозные сады. Года через три раздастся русская девочка лаская под эвкалиптами, молодые кашата будут ездить в «ночное» — сторожить лимонные рощи, а одесские рыбаки станут брать в море хурму или инжир в качестве закуски.

Умные руки наших мичуринцев из Харькова, Курска или Астрахани непременно протянутся к «новоселам» нашего юга — к субтропическим вежанам, и обязательно на чем-нибудь подоконнике зазеленеет росток лимона, выведенного из «своей» косточки, в оранжерее донских садоводов появится инжир. Если можно выращивать апельсины в условиях траншейной или калочной культуры, почему же не поработать и с инжиром? Русский человек любит пробовать новое. Попробует — и вырастет. И пойдет, пойдет юг на север, завоевая, укрупняя и обогащая широкие просторы черземной русской равнины.

Началось дело поистине беспримерное. Колхозники Ятты, в озамованение того, что они являются как бы застрельщиками преобразования по личному зову Сталина, порешили создать великолепную эвкалиптовую аллею от Массарды до Симпыза и назвать ее — Сталинской. И делают. И когда вы проедете меж высокими ароматных дерев, на стволах которых увидите бирки с именами тех, кто посадил и вырастил деревья, — имя того, кто объединил людей на благородном деле, кто подсказал нам, что пора делать природу по-новому, будет сопровождать нас с самым воздухом нового Сталинского Крыма.

ГОРЬКОВСКИЕ

ЧТЕНИЯ

18 июня исполняется 13 лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького. Памяти великого русского писателя Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР посвящает научную сессию — «Горьковские чтения». Видные советские ученые выступят с сообщениями о своих новых исследованиях творчества А. М. Горького.

Сессия начинается сегодня вступительным словом члена-корреспондента Академии наук СССР А. Еголина. Предстоят доклады доктора филологических наук Б. Михайловского — «Борьба Горького с упадочной культурой империалистического Запада» и доктора филологических наук А. Волкова — «Горький и дооктябрьская большевистская печать».

На последующих заседаниях 18 и 21 июня будут сделаны доклады на темы: «Жизнь Клема Самгина и проблемы горьковского эпоса», «Горький о Толстом» и другие.

ТРУДЫ НОВАТОРОВ

В НАУЧНЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Десятки тысяч инженеров, техников, рабочих-новаторов состоят в научных инженерно-технических обществах. Вместе с учеными они ведут большую научно-исследовательскую деятельность, совершенствуют производство, обогащают технику новыми открытиями и изобретениями.

За последний год члены инженерно-технических обществ с помощью видных ученых выполнили около двух тысяч работ. Многие из них имеют большое народнохозяйственное значение.

Так, например, труд членов общества водного транспорта паромных механиков Б. Буракова, Н. Киселева и других удостоен Сталинской премии. Они разработали и внедрили новый метод технической эксплуатации судов речного флота. Широкое применение этого метода резко повысило техническое состояние судовых механизмов, сотни судов обновились без зимнего ремонта, на который обычно затрачиваются миллионы рублей. Всего члены этого общества дали в прошлом году 197 научных работ и 2.106 изобретений и рационализаторских предложений, что принесло речному флоту страны 23.373 тысячи рублей экономии.

Члены общества нефтяников инженеры А. Боронин и С. Везиоров нашли эффективный способ эксплуатации нефтяных скважин; этот способ позволяет почти полностью ликвидировать потери нефти и газа на промыслах.

В шинной промышленности внедряется ценное предложение членов общества резиновых инженеров Ярославского шинного завода П. Шаркенина и В. Соболева; это предложение поможет повысить прочность шин и значительно удлинит сроки их использования.

Оригинальный способ гравирования ситцепечатных валков предложил член общества текстильщиков Н. Башин. Опыт показал, что внедрение в производство нового способа значительно сократит длительность процесса гравирования и в семь раз снизит его стоимость.

Большую работу проводит отделение научного инженерно-технического общества машиностроителей на московском заводе «Калибр». 165 инженеров и техников завели личные счета «трудовых вкладов», куда уже занесено 410 изобретений и рационализаторских предложений. Один из таких вкладов — автомат для контроля и сортировки конечных роликов, созданный членами общества, конструкторами С. Шуклиным и Н. Никитиным. Автомат испытан и пущен в серийное производство.

Успешно прошел на заводе организованном отделением общества смотр резервов сверхплановых накоплений. В результате осмотра было собрано 1.731 рационализаторское предложение; 1.300 из них приняты и по предварительному подсчету дадут дополнительно 3.350 тысяч рублей годовой экономии.

Научные инженерно-технические общества способствуют укреплению творческого сотрудничества ученых с производственниками. Недавно, например, на Кировском заводе в Ленинграде состоялась выездное заседание общества кузнецов и штамповщиков, в котором приняли участие ленинградские ученые. Обсудив вопросы механизации производства и внедрения передовой технологии, собиравшиеся решили превратить кузнечные цехи завода в опорную базу общества. Здесь же были созданы комплексные бригады ученых и заводских инженеров.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

♦ Ташкент. В сквере, у здания Дома Советов, открыт памятник великому узбекскому поэту и мыслителю Алишеру Навои.

Монумент сооружен по проекту архитектора-художника В. Волчек; автор скульптуры — Л. Дмитриев. На митинге, посвященном открытию памятника, с речью от имени Союза советских писателей Узбекистана выступил М. Айбек.

♦ Тюмень. С черными рейсами пародом Областное управление кинофикации отправило для населения Крайнего Севера большую партию звуковых кинопереводчиков. Хваст-Мансийский национальный округ, помимо кинотеатров, получит пять передвижных электростанций. В связи с расширением кинотеатра в Новосибирске открыты курсы для подготовки механиков звукового кино.

♦ Вильнюс. В секции фольклора Института истории Академии наук Литовской ССР со слов заведующей колхозным клубом-читальней «Перлаге» Б. Станунайте записана легенда о «литовском золоте» — янтаре. Это — 500-тысячная вахта народного творчества Литвы.

Активно участвуют в сборе фольклора учителя, работники сельских клубов и библиотек. Научные сотрудники института поговловили к печати сборник литовского фольклора, посвященный социалистическому переустройству деревни.

♦ Пушкинские горы (Псковская область). Здесь открыт Дом культуры. В нем имеются зрительный зал на 250 мест, киноустановка, комнаты для массовой работы. Новому дому культуры присвоено имя А. С. Пушкина.

♦ Махачкала. На днях состоялась сессия библиотеки работников Дагестанского АССР. В нынешнем году в высокогорных аулах будет открыто свыше двадцати новых библиотек. В районые и аульные библиотеки направляются 46 работников, окончивших техникумы и специальные курсы.

Здесь Пушкин жил...

Советский народ бережно хранит память о своем национальном гении — Александре Сергеевиче Пушкине. Те места, где бывал великий и любимый поэт, советские люди считают своей национальной святыней.

...Город Пушкин, бывшее Царское Село. Здесь Пушкин жил. Здесь, в лицее, провел он шесть лет, учился, набирался сил для своего литературного подвига.

Отсюда началось стремительное движение поэта — все вперед и выше. Здесь под благотворным воздействием священной памяти двенадцатого года создавались пушкинские патристические стихи, зарождалась великая дума о народе, о его судьбах, о его благе.

И нам дорого каждое дерево в саду, каждая тропинка, каждый удивительный уголок, где, по словам поэта:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являлась Муза стала мне.

В актовом зале лицаев звонкий голос юного Пушкина возвестил России о вступлении на литературное поприще невиданного до поры русского поэтического гения.

Царь Николай I ненавидел и Пушкина, ненавидел и лицейский вольный дух. Царю не пошлая место, связанное с памятью о свободном поэте: лицей был перестроен, комнаты — спален лицейских в актовый зал уничтожены. И только ныне, через сто лет, по указанию Советского правительства, лицей по сохранившимся документам и чертежам восстановлен советскими архитекторами.

10 июня имя Пушкина соединило в актовом зале лицаев людей со всех концов света.

В городе, носившем имя нашего великого поэта, протекали бои, знаменовавшие агонию погибавшего врага, — звучат в тишине слова президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова. — И вот сейчас, в июне 1949 года, наш народ, только четыре года назад победоносно окончивший невиданную войну, радостно празднует 150-летие со дня рождения своего любимого поэта. Неархаичная тропа, о которой мечтал Пушкин, превратилась в широчайшую дорогу, по которой к памятнику поэта идут народы Советского Союза и всего мира.

Мы слышим взволнованный голос чилийского поэта Пабло Неруда:

— Мы пришли сюда, Александр Пушкин, из далеких земель, чтобы почтить твою память.

Твой гений светит далеко за пределами города, который ты любил и который из мучений, выпавших ему на долю во время войны, поднялся к победоносному миру.

Твое творчество, как звезда, а твои стихи подобны музыке горных вод: прозрачен их голос, говорящий нам о людях твоей земли.

Прокляты время, но ты не уходишь из жизни. Ты каждый день на земле со своим народом.

Народные торжества в пушкинских местах

Народом разделяешь великую его судьбу.

А между тем твоя родина выросла и стала такой любимой, такой чтимой всеми, как ни одна страна в мире.

Как бы ты был горд, если бы видел теперь Советский Союз, счастливые народы которого поют твои песни, а его земля живет счастьем и трудом. Свобода сегодня во всем мире называется именем твоей Родины.

...Смолки речи и рукописания в актовом зале лицаев, и они точно же звонили в другом месте, на площади у Александровского дворца, у белоснежных его колонн, — сюда перенеслось празднество.

Под звуки Государственного Гимна Советского Союза академик Вавилов разрезал ленточку у входа в музей, основанный в Александровском дворце. Здесь каждый экспонат говорит о кровной связи Пушкина и советской культуры. Полотно художников воспроизводит образ поэта, героев его книг; детские рисунки иллюстрируют его сказки. На 76 языках народов СССР напечатаны его бессмертные творения.

Сюда, в этот мир глубокой тишины, люди входят медленно и бесшумно. Здесь каждый предмет овеян памятью о Пушкине, со стен смотрят на вас глаза друзей, знакомых и родных людей. И порой тебе кажется, что за этим простеньким столом сидел он и этим искусным гусиным пером писал свои стихи. До позднего вечера проходили люди по залам музея в благоговейном молчании.

Делегация Академии наук СССР, писатели Москвы и братских республик, иностранные гости выехали на Пушкинскую землю, в места, связанные с памятью поэта.

Святогорский монастырь. Сюда, в далекой пушкинской деревне, в уютной мороз, боясь народного гнева, жандармы Николая I тайно перевезли поэта, убитого презренным международным продажным Дантесом. Самодержавие рассчитывало спрятать поэта в лесной глуши, вытравить его из народной памяти. Но народ не только не позабыл Пушкина, — он никогда не расставался с ним. Каждый год в день его рождения здесь собираются тысячи людей, чтобы почтить светлую память поэта.

И сегодня, в день 150-летия со дня его рождения, на рассвете по большакам и проселочным дорогам повеселись гороскопские автобусы, грузовики колхозов и МТС; из обветренных деревьев потонулись обомы, люди катили на велосипедах, шли пешком. Людей много — сотни, тысячи... А кругом, от горизонта до горизонта, зеленела, прела, сверкала под солнцем Цеская земля, — поля, рощи и перелески, которые так любил Пушкин.

Ученые, писатели, рабочие, крестьяне, школьники под звуки траурного марша медленно прошли в раскрытые ворота монастыря, подылись по каменным ступеням на холм.

Секретарь Псковского обкома ВКП(б) тов. Перминов открыл траурный митинг. Проникновенно звучат речи ораторов. Писателя Н. Тихонова смеяет академик Мешанинов, академик — преподаватель института Псковского областного совета депутатов трудящихся Перегуд. Выступают чехословацкий писатель Повомский, китайский поэт Эмо. Венками добродно украшают могилу поэта. Митинг уже окончен, а венки и цветы все несут и несут...

Затем торжество перенеслось в Михайловское, в село, куда Пушкин был сослан и где он создал бессмертные сокровища мировой поэзии: «Бориса Годунова», главы «Евгения Онегина» и многое другое.

Немецко-фашистские варвары осквернили памятные пушкинские места, разрушили дом-музей, домок няни, вырубали многие деревья. Советские воины отомстили немцам захватчикам за своего Пушкина.

И вот снова Пушкинские заповедник восстановлен со всей тщательностью и точностью: отстроены и открыты дом-музей, домок няни, приведены в порядок аллеи, мостки.

Среди живописных березовых рощ, лип и сосен, на зеленой поляне собралось до ста тысяч человек. Никогда еще Михайловское не видело такого множества людей. На краю поляны сооружены карусели, качели, были олушек ярким хоромом расположились народные резные пазушки, будто сошедшие сюда из дивных пушкинских сказок...

Заместитель генерального секретаря Союза советских писателей Николай Тихонов открыл митинг. Репродукторы, установленные на деревьях, разносили речи во все уголки Михайловского.

Ораторы провозглашали славу русскому народу, давшему родной стране и всему миру нашего Пушкина! Славу советской стране, поднявшей имя Пушкина на новую высоту! Слава нашему вождю, учителю и другу, великому Сталину!

С горячими словами выступили приехавшие сюда, в Михайловское, писатели и поэты других стран.

В час митинга пошел дождь. Но, несмотря на это, люди долго не расходились, стояли перед трибуной, у репродукторов, слушали приветственные слова ораторов. А когда вновь выглянуло солнце, торжество возобновилось с новой силой. До самого вечера здесь гремела музыка. Артисты читали стихи Пушкина. Герои пушкинских сказок проходили в карнавальном шествии. Народные хоры исполняли песни на стихи Пушкина. Советские люди славили своего великого поэта.

Светлую, просторную дорогу проложил советский народ к нашему национальному гению, к неиссякаемому живительному источнику поэзии, красоты и вдохновения.

А. АНДРЕЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Город Пушкин — село Михайловское.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОЧЕМУ НЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?

Популярная литература по вопросам права и сборники законов за последние десять лет почти не появляются на книжном рынке. Кодексы (гражданский, уголовный, гражданский-процессуальный, уголовно-процессуальный и т. д.) издаются редко и в таких небольших тиражах, что исчезают с прилавков книжных магазинов, едва успевают поступить в продажу. В результате, не только частные лица, но многие учреждения лишены возможности приобрести необходимые им для работы справочные материалы. В большинстве случаев юристам приходится (например, в суде и в адвокатской конторе «Кузбассуголь») прибегать к работе с оригиналами на собственном опыте, или же пользоваться устаревшими изданиями.

Когда же, наконец, юридическое издательство примет меры к тому, чтобы законодательная литература выпускалась систематически и тиражами, соответствующими реальной потребности в ней населения?

А. АШКИНЕЗЕР,
старший юрист-консульт комбината «Кузбассуголь»
г. ПРОКОПЬЕВСК

СТЕНА РАВНОДУШИЯ

В «Литературной газете» была помещена статья Галины Николаевны о школе колхозных вожakov в г. Горьком. Такие школы по решению февральского Пленума ЦК ВКП(б) созданы во всех областях, краях и республиках нашей страны.

Полтора года я работаю директором Свердловской школы руководящих колхозных кадров. За это время я десятки раз добивался в областных руководящих органах предоставления нам необходимого помещения. Но вопрос этот до сих пор не разрешен. Много приобретено учебного оборудования, правительство выделило нам 4 автомашины и 2 мощных гусеничных трактора но все эти ценности находятся без движения, стоят на улице.

В районах области уже давно полорабра лучшие люди для обучения в школе. Среди них — орденскими и Герои Социалистического Труда, мастера высочайшего уровня. Они горят желанием обогатить свои знания, но не могут осуществить свою мечту, потому что областные организации отделили от себя школу стеной равнодушия, которую трудно пробить.

Я. АЛПАТОВ,
директор Свердловской школы руководящих кадров колхозов

По следам выступлений
«Литературной газеты»

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О НЕКРАСНЫХ И ПЛОХО СДЕЛАННЫХ ВЕЩАХ

В «Литературной газете» 25 мая с. г. были опубликованы письма т. В. Константинова и В. Чекалина, в которых говорилось о плохом качестве пианино № 77735 фабрики «Красный Октябрь» и фарфоро-фаянсовых изделий Дмитровского и Дулевского фарфоровых заводов. Заместитель министра местной промышленности РСФСР тов. П. Доенко сообщил редакцию, что в Свердловске, где тов. Константинов приобрел недоброкачественное пианино, командированы главный инженер Управления промышленности музыкальных инструментов и представитель фабрики «Красный Октябрь». Им поручено проверить качество пианино, находящихся в торговой сети города, а также у лиц и организаций, которые приобрели музыкальные инструменты за последние шесть месяцев. Если дефекты пианино № 77735 устранить не удастся, тов. Константинову будет предоставлен другой полноценный инструмент. Выводы в выпуске с фабрики «Красный Октябрь» бракованного пианино предложено привлечь к строгой ответственности.

Начальник Главфарфора тов. Журавского министерство обязало принять меры, исключившие проникновение в торговую сеть недоброкачественных фарфоровых изделий. На Дмитровском и Дулевском заводах, с целью оказать этим предприятиям практическую помощь в борьбе за качество продукции, командированы ответственные специалисты Главга.

Николай ПОГОДИН

Чудесный человек

Эти необыкновенные концерты сразу превратились в нечто более знаменательное, чем просто заслуженный успех знаменитого артиста. Успех громадный, волнующий, и здесь не хочется искать сравнений, ибо удивительный певец, захватывающий и покоряющий слушателей, ничего не повторяет из прошлого.

Поль Робсон подарил нам свою замечательную песню «Водонос». В ней певец с большой силой и выразительностью открывает людям правду и вызывает гуманные чувства. Мелодию этой песни уже напевали в Москве. Надо повторить наших поэтов, чтобы они перевели ее как можно ближе к подлиннику. Эта песня, как и все, что поет Робсон, — это не просто гимн, это гимн, который исполняет Поль Робсон, верно и проникновенно отвечает нашим понятиям и чувствам по отношению к неграм и прежде всего неграм Америки, где и появились эти трагические гимны.

Поль Робсон часто повторяет слова, сказанные им после первого посещения Советского Союза:

«Когда я приехал в Советский Союз, то почувствовал себя так, будто оступился на другой планете. Я впервые испытал чувство собственного достоинства, присущее человеческому существу».

Удивительные и трагические слова!

Советским людям даже трудно представить себе, какое восхищение и уважение, какой восторг вызывают они своим естественным, истинно демократическим и, следовательно, самым человеческим поведением у американского гражданина, который родился негром. Страшно понять, что этот человек, замечательный артист, живет на какой-то другой планете, где он всегда, явно или исподтишка, злобно или с холодным презрением, но всегда неизменно гимн, унижен тысячами способов и законов, в которых пережитый рабовладельчества помножены на фашизм.

Великодушный дар певца и мастера превосходного артиста у Поля Робсона гармонично сочетаются с высокими гражданскими качествами политического борца-трубауна.

В жизни этого артиста была полоса, когда он, несмотря на блестящий внешний успех и, казалось, мировое признание, тем не менее испытывал внутреннее опустошение, острое недовольство собою и своим искусством.

— Я чувствовал, — говорит Поль Робсон, — что я не добьюсь ничего исполнением негритянских песен перед аудиторией уважаемых людей.

В одной из статей он как-то писал: «Несколько лет назад я уже хотел закончить свою карьеру певца — к чему мне это снова и снова те же песни перед пресыщенной аудиторией и слышаться в фильмах, оскорбляющих мой народ...»

Действительно всемирное, подлинное массовое, ничем не омраченное признание пришло к артисту тогда, когда он свое искусство, свой талант посвятил служению простым людям.

«Если я, — пишет Поль Робсон, — приедаю в сталеитнейший центр с миллионным населением, то почему я должен петь перед двумя тысячами владельцев сталеитнейших заводов и держателей акций, уплативших большие деньги за билеты, и плясать под их дулку? Я могу собрать аудиторию из десяти тысяч трудящихся и

получить при этом удовлетворение от сознания, что я демонстрирую свое искусство перед самой лучшей аудиторией и ради самой лучшей цели».

Для меня вопрос ясен. Искусство — это социальное оружие, которое всегда направлено против той или другой стороны. Я решил поставить то, чем владею, на службу народу».

Слушаешь народ — вот неиссякаемый источник вдохновения, таланта, совершенства, и, может быть, одним из важнейших событий в жизни артиста явилась его поездка в Испанию, в осажденный Мадрид. Там, на передовой линии борьбы против фашизма, для певца юничю открылись все великое значение искусства, поставленного на службу народу, и те громадные народные силы, которые обогащают это искусство.

Поль Робсон — искренний, настоящий друг Советского Союза. Потова десятилетия назад он впервые пообщал в СССР, где ощутил себя настоящим человеком и полноправным гражданином. Иные мы снова с радостью встречаем Поля Робсона. Мы с радостью приветствуем его искусство, проникающее идеями борьбы трудящихся во всем мире. Наша чуткая аудитория с восторгом требует повторения негритянских гимнов, ибо эти патристические песни в исполнении великолепного артиста отвечают прекрасному чувству, дружбы народов. Наши зрители на этих концертах демонстрируют высокий интерес к национализму, встречая овациями песни защитников Мадрида и Народно-освободительной армии Китая, песню еврейского гетто в Варшаве, песни трудящихся Англии и Америки, которые Поль Робсон поет величественно, с вдохновенным призывом к борьбе.

Мы знаем, какую огромную работу, ведет Поль Робсон в защиту мира, против поджигателя войны, сочетаая ее с непрестанной борьбой за предоставление человеческих прав цветным народам, за права трудящихся Америки. Он был участником Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, и делегаты конгресса горячо приветствовали этого борца против фашизма, против империализма.

В статье, опубликованной в прошлом году в газете «Рейнольдс Ньюс», Поль Робсон, критикуя пристрастную «демократию» США, писал: «Я принадлежал к другой Америке и не буду принадлежать к миру Франко. Я принадлежу к миру республиканской Испании, движениям Сопротивления в Греции и новых демократий. Я принадлежу к Америке, которая ищет дружбы с Советским Союзом».

Исполнением американской рабочей песни «Док Хилл» Поль Робсон зовет на борьбу демократическую Америку, Америку трудящихся, ту настоящую Америку, в которой принадлежит он сам.

Так великие идеи борьбы народов и освободительной войны трудящихся гармонически соединяются с артистическим искусством великолепного певца. На концертах Поля Робсона перед нами возникает чудесный образ человека, который поет вдохновенный гимн светлой дружбе, верит, что эта счастливая пора скоро станет для всех трудящихся, и стремится сделать все что в его силах гражданин и артист, чтобы приблизить этот радостный час.

Толковый русско-узбекский словарь

В Узбекистане заканчивается создание большого толкового русско-узбекского словаря. Словарь, выпускаемый в четыре тома общим объемом в 150—160 печатных листов, даст толкование свыше 80.000 слов.

Для работы над словарем преданию Академии наук Узбекской ССР создал редакционный коллегия, которую возглавляет действительный член Академии наук УзССР писатель М. Аббас и кандидат филологических наук И. Усманов. К составлению и редактированию словаря привлечены видные специалисты различных отраслей науки.

Толковый русско-узбекский словарь рассчитан на широкие круги трудящихся республики. Первый том должен выйти в свет осенью нынешнего года.

Подготовлен и ляется в печать словарь к произведению Алишера Навои. Над составлением этого словаря под руководством действительного члена Академии наук Узбекской ССР поэта Гафура Гуляма несколько лет работали научные сотрудники института языка и литературы Н. Шамсиев, С. Ибрагимов в М. Мунизада.

Подготовка научно-педагогических кадров

Академия наук СССР осенью нынешнего года впервые приступает к подготовке научных кадров для педагогических и учительских институтов.

Система подготовки новых аспирантов будет несколько отличаться от существующей ныне в Академии наук СССР. Аспирант, который готовится к будущей деятельности в педагогическом или учительском институте, должен в течение трех лет не только защитить кандидатскую диссертацию, но и глубоко овладеть курсом избранной им дисциплины. Кроме того, аспирант должен пройти педагогическую практику по специальности в одном из московских или ленинградских вузов.

Для подготовки к преподавательской деятельности в педагогических и учительских институтах Академия наук СССР намерена принять в нынешнем году 150 аспирантов. Прием в аспирантуру будет производиться по командировкам министерств просвещения союзных республик. После защиты диссертации аспиранты возвратятся в свои республики.

На местах уже начался отбор кандидатов в аспирантуру.

свою практику по специальности в одном из московских или ленинградских вузов.

Для подготовки к преподавательской деятельности в педагогических и учительских институтах Академия наук СССР намерена принять в нынешнем году 150 аспирантов. Прием в аспирантуру будет производиться по командировкам министерств просвещения союзных республик. После защиты диссертации аспиранты возвратятся в свои республики.

На местах уже начался отбор кандидатов в аспирантуру.

Борьба и победа Василия Пятова

иногда об устройстве заводов и даже об их производительности, дружно молчали о рабочих и мастерах.

Вместе с заведующей отделом местного края библиотеки Г. Чуловой начали мы перелистывать старые комплекты «Вятских губернских ведомостей», — не встретится ли здесь фамилия Пятова? Вот рубрика: «Приехавшие и уехавшие». И вот в день газета перечисляла всех более или менее известных людей, посещавших Вятку. Год 1852... 1853... 1854... 1855... И вот поздно вечером, когда почти потонула была ваделька, мы добрались до 1858 года и в номере шестнадцатом под рубрикой «приехавшие» нашлась такая строка:

«Из С.-Петербурга коллежский ассесор Безобразов, из г. Яранска титулярный советник Хлопца, из Холуницких заводов управляющий заводами Пятов». Мы вернулись в архив, и на столе появились десятки разбухших папок со списками из долгого лежания желтоватыми листками и надписью: «Дело Холуницких заводов»...

Дорожные документы! В папках — соседичные рапортички, еженедельные отчеты, которые подробно рассказывали о ходе производства. Мы получили возможность проследить за деятельностью Василия Степановича Пятова день за днем, шаг за шагом, начиная со дня его приезда в Белую Холуницу.

Он приехал на главный Холуницкий завод 13 февраля 1855 года и остановился в деревянном «господском доме», расположенном на берегу огромного пруда. Пришел с визитами представители «местной знати»: главный приказчик — старая лиса Ефим Колдов, его правая рука Алексей Белав, контролёр Иван Зуев, счетоводы, писаря. В их приветствиях и поклонах не было искренности — все украшено, связываясь круговым роуством в круговой порукой, были наганысы приездом «чужака». Но опытный в житей-

ских делах Ефим Колдов не снискал с лица ласки и улыбки. Ведь это ему было адресовано грозное письмо владельцев заводов названной общины г-жи Пономаревой из Санкт-Петербурга:

«Принимая Василия Степановича Пятова на службу по Холуницким заводам, я назначаю его первым по Колдовскому контору с поручением в особенное его заведение всей технической и практической части заводского производства... Прием повторять конторе постоянное желание мое, чтоб все действия ее всегда являлись к пользам заводов, я требую, чтобы никакие полезные предложения г. Пятова как по увеличению, упорношению скорейшей и удешевлению по техническому и практическому заводскому производству, так и по частям управления и хозяйства не встречали пустых митриг или притворнейшей неосновательности...» (Фонд № 491, опись № 1, дело № 8).

Первый документ доказывал, что Пятов еще в Петербурге ставил условием поступления на заводы полную свободу в области техники и реконструкции производства.

Что представляла собой группа Холуницких горных заводов в те годы? Почти все они были основаны более 180 лет назад, почти все были расположены по берегам реки Холуницы. На Клянковском и Бороском заводах стояли комны. Чулун, получаемый здесь, сплавляли по реке на главный Холуницкий завод. Ниже по течению, верстах в трех, стоял вспомогательный Богородский завод.

«Последнее слово техники» в области металлургического производства насчитывало десятилетнюю давность и принадлежало французскому инженеру Гран-Монтану. Конечно, все заводоуправление, забывавшее о деятельности русского мастера Пятова, помнила об этих «знатных иностранцах». Но небольшая выдержка из книжки, посвященной истории Холуницких заводов, изданной в 1896 году.

Анатолий АГРАНОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

«При ней (Пономаревой) в заводе введен контуазский способ выделки кричного железа, через французских поданных братьев Гранд-Монтан, впервые у нас в России введенный контуазский способ...»

Василий Степанович Пятов критически отнесся к заграничному наследию. В первый же год своей работы на Холуницких заводах он глубоко и серьезно анализировал процесс производства и составил сравнительную сводку: «Сведения о выковке железа контуазским и обыкновенным способом» (Фонд № 495, опись № 1, дело № 12). Данные колонки цифр заполняют графы этой таблицы: «выделано железа», «употреблено чугуна», «употреблено угля», «употреблено обрешков».

Дело наших ученых — подвергнуть эту ценную таблицу всестороннему анализу. Даже первое знакомство с ней показывает, что французский способ почти не давал экономии металла и топлива. Но нас заинтересовало другое: на трех листах значились данные о работе кричных мастеров. Мы выписали в блокнот имена этих помощников и соратников Василия Степановича Пятова и цифры их выработки за 1855 год.

«Прокопий Бульканов — 265 пудов 30 фунтов,
Иван Брызгалов — 275 пудов,
Петр Варакин — 544 пуда 35 фунтов,
Андрей Белоглазов — 338 пудов 30 фунтов,
Иван Смирнов — 560 пудов,
Яков Захваткин — 393 пуда 5 фунтов,
Терентий Ваулев — 414 пудов 35 фунтов» и т. д.

Эта запись впоследствии послужила службу совсем неожиданным образом.

мощь самые совершенные механизмы, которыми социалистическая техника оснастила завод реконструированный завод. Рядом с Поповой Варакин работают люди свободного труда, показывающие такие же чудеса в работе, как и Пятов.

В «механическом заведении» работала мастеровой Андрей Белоглазов, выковавший в 1855 году 338 пудов 30 фунтов железа, а сын его Александр Андреевич, который, по его словам, только на днях «армянская» восьмой десятка, познаниями меня со своим внуком, правнуком Андрея Белоглазова — Геннадием. Молодой потомок старинного рода в 1949 году пришел из ремесленного училища во второй механический пех... Перед ним открывается светлый путь, он будет мастером, он может стать инженером — командиром производства передового социалистического предприятия.

Есть и другие потомки — замечательные холуницкие старья, проработавшие на своем заводе по 50, 60, 70 лет, — Александр Николаевич Смирнов, Александр Григорьевич Захаров, Николай Артемьевич Куряев, Павел Николаевич Сомов. Разумеется, никто из них не мог помнить Пятова, но работать на его машинах помогли многим. И такие архивные материалы, собранные в Кирове, униожились живыми воспоминаниями холуницких стариков...

Нельзя не порадоваться энергии, упорству, трудолюбию, удивительной последовательности замечательного русского мастера Василия Пятова.

Вот он начинает готовить базу для коренной перестройки завода. 20 февраля 1855 года, через пять дней после приезда, он организует первую слесарную мастерскую. Вскоре «по проекту» Василия Степановича начинается строительство двухэтажного «механического заведения», того самого здания, где работают ныне Геннадий Белоглазов и Пятов. В этом «заведении» стояли «старые» станки для обработки «пластинчатых валков». Значит, еще в 1855 году залучал Пятов свои будущие прокатные станы, готовил валы для них!

Золотая молодость таланта

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Благодаря новой хорошей книге советского писателя — радостное событие в жизни нашего народа. Таким радостным событием является «Повесть о детстве» широко известного русского писателя Федора Гладкова. Это значительное явление нашей современной художественной литературы.

В своем выступлении на I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году Ф. Гладков говорил: «Своеобразие нашей действительности создало новый тип художников слова. Характерная его особенность заключается в том, что он уже не пассивный наблюдатель со стороны, не человек, одиноко идущий своей дорогой, который с презрением взирает на толпу, а активнейший участник всех дел и событий. Он весь — в практике создания нашей жизни, в практике тех великих работ, которые совершает многомиллионный коллектив пролетариев и колхозников нашей родины».

У писателя Федора Гладкова слово не расходится с делом. Его литературное творчество — свидетельство того, что он весь в практике создания нашей жизни. Дети в советских школах по его произведениям воссоздают пройденные этапы строительства социалистического государства. Его роман «Цемент», в котором писатель первым в нашей литературе поставил тему сознательного труда советского народа, — ценный вклад в мировую литературу. Актуальные темы, яркость образа большевика, пафос строительства, горячая партийность делают «Цемент» одним из лучших романов нашей литературы.

Произведения Ф. Гладкова всегда актуальны, всегда тесно связаны с современностью, с текущим днем страны. Так же современна его «Повесть о детстве», несмотря на то, что в ней рассказывается о далеком прошлом, о русской деревенской жизни в эпоху становления новой деревни и ее людей. Эти давние годы изображены автором так, что прошлое помогает понять настоящее, делает нам еще дороже нашу сегодняшнюю действительность.

Наша молодежь должна знать, как мы пришли из капиталистического прошлого в наше социалистическое настоящее. Это знание делает ясным наш путь и в будущее, к коммунизму.

В предисловии автор пишет: «Я думаю, что мой сверстник, вспоминая о минувшем, найдет в этой книге много созвучий с тем, что пережито им, а молодежь почувствует, что ее свобода и счастье — это воплощение в действительности заветных дум и стремлений их отцов, прошедших трудный путь борьбы против эксплуатации, гнета, бесправия, борьбы во имя торжества коммунистического идеала и творческого величия человека».

«Повесть о детстве» — глубоко патристическое произведение. Оно воспитывает любовь к советской Родине, давшей людям настоящую человеческую жизнь, подлинно человеческое счастье.

Ф. Гладков пишет: «И теперь, переписывая книгу моей жизни, я смущаюсь и спрашиваю себя, нужно ли рассказывать об этих прошедших днях, нужно ли изображать те прожитые пытки, через которые проходило мое детство, а потом юность: ведь все это прошло и былое перестало — оно минуло безвозвратно. Но внутренний голос совести и долга внушает мне настойчиво: обязан рассказывать, должен доказать те мучительные лебеди, через которые приходилось пробираться людям моего поколения и преодолевать их, чтобы выйти из чертовой тьмы на свободу».

Федор Гладков. «Повесть о детстве». «Новый мир», № 2, 4, 5, 1948. Изд-во «Советский писатель», 1948, 42 стр.

нью дорогу настоящего. Надо рассказать об этих страшных днях и потому, что не вытравлены, не выжжены еще до конца пережитки жестокого прошлого». Книга служит и оружием борьбы с пережитками прошлого.

Огромна познавательная ценность новой повести Ф. Гладкова. Она помогает восполнить большой пробел в художественной литературе о русской деревне прошлых лет. Такие корифеи русской литературы, как Тургенев, Л. Толстой, могли отразить лишь некоторые черты жизненной правды. Даже у гениального Льва Толстого «звездные» поглотила всю душевную силу вольных деревенских людей, а от добротельного Акима остается одно беспомощное «таё». Крепкие хозяйственные «мужички» толстовского Левина — прапрадеды тех кулаков, от гнета которых лишь Октябрьская революция освободила русскую деревню. Писатели меньшего диапазона, например, Бунин, певец дворянского декаданса, отказавшись от поэтизации этих «крепких мужичков», вовсе не нашли положительного типа в деревне. Для них вся деревенская русская деревня — один сплошной звериный лай. Откуда же в деревне взялись те человеческие резервы, на которые смогла опереться наша партия в годы революции, в годы колхозного строительства?

Талантливое произведение Федора Гладкова освещает правильным, ровным светом прошлое русской деревни. Правда, без нажима, рисует писатель тяжкую жизнь крестьян, их зависимость от помещика и кулака, катастрофическое обнищание, рабью иероглифику, домостроевский бытовой уклад в семье, трудную долю женщины-крестьянки, поголовное старение населения. Деревня, изображенная Гладковым, — к тому же старобабьинская, особенно фанатичная в религиозных и бытовых предрассудках. Но это не Сухойд Бунин. Это — не чудное обло, степенно и лаяй. Это люди. Живые люди во всем разнообразии их судеб, характеров, темпераментов и личных человеческих стремлений. Гладков далек от идеализации старой деревни, но так же далек и от ступенчатости мрачных красок.

В этой обобщенной деревне живут люди большой совести и бескорыстной мысли, искатели правды, мечтатели, протестанты, бунтари. Это русские люди, не согнувшиеся под гнетом насилия.

Повесть автобиографична. Люди и события показаны в ней сквозь призму восприятия мальчика Феди с первых его сознательных дней до восьмилетнего возраста. Большое достижение автора в том, что шло это детское восприятие не ограничивая широкого писательского полотна и в то же время не отгораживает маленького героя неестественной взрослостью. Все детские образы в повести удивительно живы — и сам Федя, и Иванка Кузьяр, и другие.

В книге немало печальных страниц, в ней много человеческого горя, но общее чувство после прочтения повести — светлое. Она полна оптимистичности. Все мрачные ее страницы — как-то изнутри, потайным писательским светом освещены верой в силу и красоту русского человека, в его конечное торжество.

Свидетельством этому являются положительные герои повести — шевч Волдымичур; баба Федя по матери — старуха Наталья; искатель правды, непримиримый протестант Микитишка; жизнелюбивый

Иван НЕХОДА
Пушкинский вечер в колхозе

В колхозном клубе нынче тесно. Сегодня мастера земли. Читатели стихов чудесных На вечер Пушкина пришли.

На сцене — бост его в нестакх Полтавских тонких рушниках. — Наш друг и современник, здравствуй! Живи, прославленный в веках.

Тебя мы встретим сегодня, Тобой, певец, гордимся мы. Ты знал на подвиг благородный, Будил сердца, будил умы.

Развев прошлого потемки, Мы солнце волюнсты зажгли. Взгляни на нас. Твои потомки По праву счастье обрели.

Орденосныи и Герои Сидят на сцене, вокруг стола. Вот «Бура мягоко небо кроет» Дюрка мягоко прочла.

Читай мальчуган смущенный Срыпанносыи голоском: «У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том».

Прославленная зеленая «На холмах Грузии» поет. Ей нежно скрипка подпекает, И песня за сердце берет.

Учитель, между тем, в альбоме Рисует Пушкина живым, Земным, в колхозном светлом доме, Героев наших рядом с ним.

И солнцем Ильяча лучистым Из озаряи электровств. Здесь кузнецы и трактористы, Твои читатели, поэт!

Во всех краях их голос слышен. К сиянию глядишь лет. Они идут — вперед и выше, Твои читатели, поэт!

Взгляни — с твоею славою громкой Народа подвиги слялись. И первыми твои потомки Войдут с победой в коммунизм!

Перевел с украинского Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Ф. ВИДОРОВА
Большой мир маленьких героев

Недавно Детгиз выпустил книгу С. Георгиевской «Солдатский ножик». Это сборник, состоящий из пяти рассказов, небольших и очень простых по сюжету. Все, что рассказано в них, совсем обычно, но, закрыв книгу, понимаешь, что услышал серьезное, глубокое слово, узнал что-то важное и новое.

Вот, например, рассказ «Люся и Василек». На фронте был убит люсян отец, и они с мамой остались вдвоем. А потом люсяна мама взяла на воспитание ребенка из детского дома. Вот и все.

Но в этом маленьком рассказе перед читателем раскрывается глубокий, интереснейший мир героев. Сначала Люся не может примириться с тем, что в их тесную семью вдруг войдет чужой человек. Но затем побеждает чувство ответственности за судьбу того, кто слабее и нуждается в поддержке и помощи.

В рассказе для детей слышны дыхание большой жизни, настоящего горя и настоящей радости. Обращаясь к маленькому читателю, писательница не делает мир маленьким — нет, все в ее рассказе сохраняет настоящие размеры, силу настоящей правды. Отношения людей так же богаты и многообразны, как они бывают в жизни. И — подлинны. Когда в конце рассказа мы читаем, что Люся войдет мальчугана по комнате, показывая ему игрушки и вещи, а о портрете своего отца говорит: «Этот наш папа», — мы верим этому без малейшего колебания.

Рассказ «Солдатский ножик» тоже, на первый взгляд, очень обычный и простой. Отец, приехав с фронта, подарил сыну свой нож. Мальчик стал этим ножом строгать и портить вещи. Мать, отец и учитель упрекают его. Вот и все. Но на самом деле это далеко не все. «Солдатский ножик» — рассказ о трудном волеисполнении, об отце и сыне, об их любви друг к другу, об учителе и о школе, о другом, что волнует и ребенка и взрослого.

В рассказе явно присутствует еще одна тема — береги государственное имущество», но она не звучит дидактически, потому что не угрозы и поучения, а самая суть описанных событий убеждает читателя в том, что ножик должен создавать и читать, а не разрушать и портить.

Не грустный детский мирок, а поэтический мир больших чувств — вот что присутствует в рассказе Георгиевской. Но говорится об этом большом мире с той простотой и точностью, которая так драгоценна и которую ни с чем не спутаешь, потому что она и есть искусство, настоящее искусство — в отличие от упрощения, от элементарности, от подталкивания в детям, всегда приводящих к подделке, к сиюминутной или поверхностности и, в конце концов, к неправде. Как рассказывает мальчик о возвращении отца с фронта? «Целый день я ходил за папой, смотрел на него, веши его трогал. А если переставал ходить, так папа мне говорил: «Будь ты, Костя, пропал?» Вот и все. Скупно и просто, а между тем, нельзя из этих нескольких слов не понять, как отец и сын стосковались в разлуке, как рады они друг другу! Благодарная сдержанность характера для С. Георгиевской, и в этом — уважение к читателю, большому и маленькому.

Писательница отлично знает своих героев, знание ее глубоко и разносторонне: неслучайно в ее книге, состоящей всего из пяти небольших рассказов, помещаются и фронт, и школа, и колхоз, и летский дом. Рассказы, напечатанные в книге, не равновесны. «Малютка Ильяча» — несколько поверхностнее остальных, в нем нет глубины, которая так пленяет в «Солдатском ножике» и в «Повести о Галиной маме». Рассказ «Класс Надежды Ивановны» обращен более к взрослому, чем к маленькому читателю. Но и эти рассказы помогают шире охватить нашу жизнь, делают книгу разнообразной и современной «Солдатский ножик» — хорошая книжка, умная, сердечная и глубокая.

С. Георгиевская. «Солдатский ножик». Детгиз, 1948, 64 стр.

Цезарь СОЛОДАРЬ В ОДНОМ СТРОЮ

В колхозном клубе нынче тесно. Сегодня мастера земли. Читатели стихов чудесных На вечер Пушкина пришли.

На сцене — бост его в нестакх Полтавских тонких рушниках. — Наш друг и современник, здравствуй! Живи, прославленный в веках.

Тебя мы встретим сегодня, Тобой, певец, гордимся мы. Ты знал на подвиг благородный, Будил сердца, будил умы.

Развев прошлого потемки, Мы солнце волюнсты зажгли. Взгляни на нас. Твои потомки По праву счастье обрели.

Орденосныи и Герои Сидят на сцене, вокруг стола. Вот «Бура мягоко небо кроет» Дюрка мягоко прочла.

Читай мальчуган смущенный Срыпанносыи голоском: «У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том».

Прославленная зеленая «На холмах Грузии» поет. Ей нежно скрипка подпекает, И песня за сердце берет.

Учитель, между тем, в альбоме Рисует Пушкина живым, Земным, в колхозном светлом доме, Героев наших рядом с ним.

И солнцем Ильяча лучистым Из озаряи электровств. Здесь кузнецы и трактористы, Твои читатели, поэт!

Во всех краях их голос слышен. К сиянию глядишь лет. Они идут — вперед и выше, Твои читатели, поэт!

Взгляни — с твоею славою громкой Народа подвиги слялись. И первыми твои потомки Войдут с победой в коммунизм!

Перевел с украинского Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Ф. ВИДОРОВА
Большой мир маленьких героев

Недавно Детгиз выпустил книгу С. Георгиевской «Солдатский ножик». Это сборник, состоящий из пяти рассказов, небольших и очень простых по сюжету. Все, что рассказано в них, совсем обычно, но, закрыв книгу, понимаешь, что услышал серьезное, глубокое слово, узнал что-то важное и новое.

Вот, например, рассказ «Люся и Василек». На фронте был убит люсян отец, и они с мамой остались вдвоем. А потом люсяна мама взяла на воспитание ребенка из детского дома. Вот и все.

Но в этом маленьком рассказе перед читателем раскрывается глубокий, интереснейший мир героев. Сначала Люся не может примириться с тем, что в их тесную семью вдруг войдет чужой человек. Но затем побеждает чувство ответственности за судьбу того, кто слабее и нуждается в поддержке и помощи.

В рассказе для детей слышны дыхание большой жизни, настоящего горя и настоящей радости. Обращаясь к маленькому читателю, писательница не делает мир маленьким — нет, все в ее рассказе сохраняет настоящие размеры, силу настоящей правды. Отношения людей так же богаты и многообразны, как они бывают в жизни. И — подлинны. Когда в конце рассказа мы читаем, что Люся войдет мальчугана по комнате, показывая ему игрушки и вещи, а о портрете своего отца говорит: «Этот наш папа», — мы верим этому без малейшего колебания.

Рассказ «Солдатский ножик» тоже, на первый взгляд, очень обычный и простой. Отец, приехав с фронта, подарил сыну свой нож. Мальчик стал этим ножом строгать и портить вещи. Мать, отец и учитель упрекают его. Вот и все. Но на самом деле это далеко не все. «Солдатский ножик» — рассказ о трудном волеисполнении, об отце и сыне, об их любви друг к другу, об учителе и о школе, о другом, что волнует и ребенка и взрослого.

В рассказе явно присутствует еще одна тема — береги государственное имущество», но она не звучит дидактически, потому что не угрозы и поучения, а самая суть описанных событий убеждает читателя в том, что ножик должен создавать и читать, а не разрушать и портить.

Не грустный детский мирок, а поэтический мир больших чувств — вот что присутствует в рассказе Георгиевской. Но говорится об этом большом мире с той простотой и точностью, которая так драгоценна и которую ни с чем не спутаешь, потому что она и есть искусство, настоящее искусство — в отличие от упрощения, от элементарности, от подталкивания в детям, всегда приводящих к подделке, к сиюминутной или поверхностности и, в конце концов, к неправде. Как рассказывает мальчик о возвращении отца с фронта? «Целый день я ходил за папой, смотрел на него, веши его трогал. А если переставал ходить, так папа мне говорил: «Будь ты, Костя, пропал?» Вот и все. Скупно и просто, а между тем, нельзя из этих нескольких слов не понять, как отец и сын стосковались в разлуке, как рады они друг другу! Благодарная сдержанность характера для С. Георгиевской, и в этом — уважение к читателю, большому и маленькому.

Писательница отлично знает своих героев, знание ее глубоко и разносторонне: неслучайно в ее книге, состоящей всего из пяти небольших рассказов, помещаются и фронт, и школа, и колхоз, и летский дом. Рассказы, напечатанные в книге, не равновесны. «Малютка Ильяча» — несколько поверхностнее остальных, в нем нет глубины, которая так пленяет в «Солдатском ножике» и в «Повести о Галиной маме». Рассказ «Класс Надежды Ивановны» обращен более к взрослому, чем к маленькому читателю. Но и эти рассказы помогают шире охватить нашу жизнь, делают книгу разнообразной и современной «Солдатский ножик» — хорошая книжка, умная, сердечная и глубокая.

С. Георгиевская. «Солдатский ножик». Детгиз, 1948, 64 стр.

Когда старожилы города Калининна вспоминают о театре революционной Твери, в их рассказах оживают традиционные образы провинциальных актеров-скаляков, зарывавшихся затрепетану «на сезон» и вынужденных играть в двух репетиций любую роль в надежде на то, что сфурор вылезет. Было среди этих перелетных птиц много талантливых людей, по-настоящему преданных искусству. По вынужденные потрафлять вкусам городской «элиты», зажатые в тисках кулацкой частной антрепрены, они губили свое дарование и везчали из города так же неожиданно, как и появлялись.

Артист Калининского областного драматического театра Иван Петрович Добовин впервые взошел на подмостки этого театра более четверти века тому назад. Здесь он начал с эпизодических и дошел до главных ролей в лучших пьесах русской классики. Здесь он удостоился звания заслуженного артиста республики. Здесь он выступил в театру. В Калининне в области десятки тысяч советских людей знают его как актера и общественного деятеля. Калининские коммунисты посылали его своим делегатом на XVIII съезд ВКП(б).

Калининские избиратели облекли его высоким званием депутата областного совета трудящихся. И за двадцать пять с лишним лет Добовин не играл в Калининне только полевая, в то время, когда город находился под пятой оккупантов.

Через несколько дней после того, как наши войска освободили Калинин, советский артист Добовин вместе со своим коллективом вернулся в родной город. А спустя месяц вновь оборудованное здание театра наполнило первые зрители в шинелях и ватниках.

Когда вынаеишь в причины успехов любого коллектива советских людей — будь то завод, или МТС, или научный институт, — всегда видишь направляющую руку партии, реальные плоды ее мудрой политики, ее сталинскую заботу о народе. И если сегодня для нас очевидно значительные успехи Калининского театра в его настоящее обилие со своим зрителем, то нельзя не вспомнить, что переломным этапом в работе театра было постановление Центрального Комитета ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Нечего греха таить: были у нас серьезные ошибки, — рассказывает главный режиссер Г. Георгиевский. — Подчас мы ориентировались на бытовые театральные успехи отсталой части зрителей. Областная партийная организация помогла нам глубоко продумать решения партии и сделать из них правильные выводы.

И коллектив театра осмыслил, что объединять волю масс, поднимать их средствами театрального искусства можно только тогда, когда приходишь к зрителю со спектаклями, отражающими ту великую борьбу, которую живет наш народ. Театр принадлежал к массе зрителей, жаждущих от себя спектаклей «о самом главном» и их жизни, требующих, чтобы театр шел в жизни и в одном строю. Советская пьеса на современные темы определяла творческое лицо театра.

Шестнадцать советских пьес, поставленных после решения партии о репертуаре, стали для театра шестнадцатипяти большими этапами на пути к полному единству со своим зрителем — благодарным, но высказывающимся.

Трудящиеся города достойно оценили творческую инициативу своего театра, благодаря которой такие пьесы, как «Русский вопрос», «Московский характер», «Счастье», они увидели раньше москвичей. Но те же зрители не пошли в театр, когда он поставил неудачную пьесу Г. Березко «Мужество». О неудачах зрители говорили своему театру с той же хозяйской рачительностью и горячей принципиальностью, с какой они приветствуют его лучшие работы.

Все лучшее, все прогрессивное в советской драматургии стремится показать Калининский театр на своей сцене. Когда в 1947 году коллектив узнал о пьесе Августа Якобсона «Жизнь в питейном», а драматургу в Калининне немедленно выехал директор театра Е. Ботвинников. И Калининский театр первым на русском языке поставил пьесу «Жизнь в питейном». В этом спектакле, своеобразно и талантливо поставленном молодым режиссером — выпускником ГИТИС А. Ароновым, по-новому блеснули своим дарованием в старейший актер театра — заслуженный артист РСФСР К. Лавренко и талантливый артист молодого поколения А. Мальченко.

Пьеса Б. Лавренева «За тех, кто в море!» не сходит со сцены театра уже четвертый сезон. «Московский характер» А. Софронова выдержал уже сорок спектаклей. «Великую салу» В. Ромашова театр показал 38 раз. Из спектаклей для детей наибольший успех имеет «Брасный галстук» С. Михалкова.

Не является ли это убедительным подтверждением той теплоты и радушия, с которыми наш зритель встречает хорошие советские пьесы, если они поставлены и сыграны по-настоящему художественно!

Да, только подлинно художественная работа всего коллектива позволяет театру за год выпустить 12 премьер (вместо 10 пьес), не снижая художественного уровня спектаклей. Работая по графику так называемых «скользящих парадельей», труппа одновременно репетирует два спектакля. В это же время очередной режиссер готовится к третьей постановке. Благодаря этому театр выпускает ежемесячно по два спектакля, затрачивая на его подготовку около полутора-двух месяцев. Метод параллельной подготовки спектаклей привел в тому, что в труппе совершенно нет «мертвых душ». Весь артистический состав занят творческой работой. Если в 1947 году нагрузка артистов вышедшей категории составляла 79, а первой категории — 58 процентов нормы, то в 1948 году она соответственно выросла до 103 и 100 процентов.

В нынешнем году театр выпустил уже 5 спектаклей (вместо пьесовых четырех): «Заговор обреченных» Н. Вирты, «На той стороне» А. Барыкова, «Косбояк в перуаче» братьев Тур, «Дядю Ваню» А. П. Чехова и «Женитьбу Балдамынина» А. Н. Островского. И это в то время, когда театр почти ежедневно показывает два спектакля — один на основной сцене, другой — выездной.

Если взглянуть на карту поездок театра, то видишь, что он действительно стал областным в самом широком смысле этого слова. Он выезжает за триста километров в город Осташков, он регулярно бывает у торфяников Васильевского Мокша, он частый и желанный гость Буршевского сельского клуба. Эти поездки нельзя назвать гастролями. Они представляют собой плановый и систематический раздел повседневной работы театра. За один прошлый год проведено 180 таких выездов. Такая система работы требует, повторим, настоящего единения от каждого участника коллектива. Чтобы показать в селе Медном на крошечной сцене колхозного Дома культуры «За тех, кто в море!», вдохновение требуется не только от старшей калининской актрисы, коммунистки, заслуженной артистки РСФСР Н. Гончаровой, создающей задушевные образы матерей капитана Харитонюка, но и от заведующих всеми производственными педрами, сделавших специальные оформления для дальних выездов.

Группа студентов, рабочих, парторганизация оживленно беседует в кабинете директора театра Е. Ботвинникова. Скоро начнется обсуждение нового спектакля. Зрители обращают внимание на таблицу, показывающую, как успешно Калининский театр закончил первые месяцы работы без отпусков.

— И не представляю, чтобы в нашей стране нашелся город, где бы театр не мог работать без отпусков, — заявляет один студентка.

— Совершенно верно, — слышится в ответ. — А театры, которые не смогли падаить безотпускной работы, нужно вымарать русскую пословицу: как аукнется, так и откликнется! Значит, она идет к нам, не о том, что ему нужно... Участники этой беседе даже не предполагают, что они показали, как говорится, не в бровь, а в глаз театральным деятелям, вроде работников Грозненского областного театра. В ту самую пору, как эти выдающиеся руководители, ищущая утверждения репертуарный план, слышно, «для привлечения зрителей» готовил «Кина» А. Дюма и «Даму-невидимку» Кальдерона, Калининский театр первым в стране поставил «Счастье» по роману П. Павлова. И что же? Грозненский зритель с негодованием отверг художничий «развлекательный» репертуар своего театра, а «Счастье», с успехом показанное в Калининне свыше сорока раз, продолжает оставаться в репертуаре. До сих пор поступают заявки от колхозников на коллективный просмотр «Счастья».

На конференции зрители председателя колхоза имени Бирова Мария Крылова сказала:

— Со мной сидела одна женщина из нашего колхоза. Она так говорит: «Пу, теперь я буду еще лучше работать, помодала я сегодня на дымят лет...» А от себя добавила: если буду еще чаще утравлять просмотр таких хороших спектаклей, нам, председатели, будет легче руководить народом.

Вдумайтесь, товарищи из Грозненского театра, в глубокий смысл этих искренних слов простой советской женщины! И вы поймете, что ваш театр частенько пуговал отнюдь не потому, что грозненцы не любят театрального искусства. Ларчик открывается просто: так же, как и жители города Калининна, они хотят, чтобы их театр жила одной жизнью с ними, помогал им бороться за коммунизм.

Новые книги

ГОСЛИТБИДАТ
Литература народов СССР
Майронис. Избранное. Перевод с литовского. 282 стр. Цена 7 р. 50 к.
Матуш-Куан. Избранные стихи. Перевод с туркменского 316 стр. Цена 8 р. 50 к.
Никлаш Ганджиде, Хосров и Шарни. Повесть. Перевод с азербайджанского. 412 стр. Цена 13 р. 50 к.
Мукалов С. Сулушан. Повесть в стихах. Перевод с казахского. 88 стр. Цена 2 р. 25 к.
Нарские сказания. Осетинский народный эпос. Перевод В. Дерягина и А. Кочетков. Иллюстрации Н. Андреева. научная редакция проф. П. Арста, общая редакция А. Деева. 488 стр. Цена 30 р.
Орбениани Г. Стихотворения. Перевод с грузинского 120 стр. Цена 4 р. 50 к.
Солдатыи день. Из малознакомых поэтов. Предисловие Л. Соболева, редактор-составитель Н. Сидорова. 152 стр. Цена 4 р. 80 к.
Сын Кадева. Осетинский народный эпос. Собрал и обработал Ф. Крыжвальд. Перевел А. Деева. 120 стр. Цена 4 р. 50 к.
История одного человека. Повесть о жизни и деятельности Н. Андреева. научная редакция проф. П. Арста, общая редакция А. Деева. 488 стр. Цена 25 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Глоадский Н. Путешествия В. Л. Комарова. 112 стр. Цена 1 р. 90 к. Книга вышла в серии «Русские путешествия».
Победитель Ю. В. Мороз и странствания. 162 стр. Цена 2 р. 80 к. Книга о жизни адмирала Ф. Ф. Матюшкина, линейского товарища А. О. Пушкина.
Линия В. Великий русский мореплавец А. И. Чирков 114 стр. Цена 1 р. 90 к.
Левин М. Путешествие в Башкирию и Кузнецкий край. 224 стр. Цена 13 р. 75 к.
Победитель Ю. В. Мороз и странствания. 162 стр. Цена 2 р. 80 к.
Робертсон В. Путешествия в восточной Азии. 224 стр. Цена 13 р. 75 к.
Русские географические открытия по Центральной Азии в 1868—1869 гг. 492 стр. Цена 15 р. 50 к.
Саломонзон В. По русскому и монгольскому Китаю. 380 стр. Цена 22 р. 70 к.
Юнкер В. Путешествия по Африке. (1817—1878 и 1899—1946). 504 стр. Цена 15 р.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 48

Простые и веселые стихи

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Вся творческая биография Сергея Смирнова (первую книгу он выпустил десять лет назад) неразрывно связана с жизнью страны, освещена ее светом.

Бому посвящены стихи его книги «О добрым утром!», вышедшей в издательстве «Советский писатель»? Даже оглавление сборника с ясной определенностью отвечает на этот вопрос. Вот как называются стихи: «Учителю», «Всем товарищам Смирновым», «Обществу», «Студентам-выпускникам», «Элеватор», «Моему упрекому», «Ветераны», «Гварийцы запаса», «Латышскому стрелку», «Бойцы музыкального взвода» и так далее.

С. Смирнов знает своих сограждан не по-наслышке, не по случайным встречам, а по работе за станком, по труду в шахтах Метростроя, по студенческому общению, по атакам и привалам у костра, по воинским победам и лафусу послевоенной пятнадцати. Смирнов любит своих современников, и все это, помноженное на талант автора, делает его книгу светлой, оптимистической.

Во всей книге нет ни одного унылого стихотворения, ни одной тоскливой ноты. И не потому, что Смирнов все видит в розовом свете, всем и всему умиляется, а потому, что он обнаружил оптимизм нашего народа, нашего времени.

В основе его стихов лежит любовь к социалистической родине, их пронизывает сыновья благодарности стране и чувство ответственности за родную землю. В отличном стихотворении «Наша» поэт говорит, обращаясь к маленькой дочери, что «державу

ва ты тысяч верст протяженьем
Он считает своим
Основным сбереженьем!

И дальше:
Ты получишь ее,
Как хозяйка хозяйка,
Как безбрежную даль
Острокрылая чайка.

Радостно и гордо звучат эти слова советского писателя. «О добрым утром!», «Советский писатель», 1948, 131 стр.

ветского гражданина, слова человека, воспитанного коммунистической партией!

Читатель полюбил Смирнова за естественность интонации, за доброе остроумие, за то, что он говорит с ним простым, понятным языком, как писатель-товарищ, пожалуй, даже не говорит, а беседует, — за то, что об всем пишет, как хозяин, а не посторонний наблюдатель.

У ворот мне слышен гул завода.
Днем и ночью ровно бьется он.
Дерь толкую

с надписью у входа:
«...Посторонним строго воспрещен».

— пишет Смирнов в стихотворении «С добрым утром!», и это четверостишие по праву можно поставить эпиграфом к большинству его стихов, во всей книге в целом.

Отлично его стихотворение «Всем товарищам Смирновым»:

Нет! Всеми силами своим
Клянусь на будущие дни
Хранить фамилию
Во имя
Моей родины и народа!

Во имя вас,
Собравших новин,
Хранящих родину, как дом,
Во имя армии Смирновых,
Живущих
Правильным трудом!

И эти строки о кровной связи с народом верши нашего больше, чем некоторым сухим высокопарным декларациям; эти простые эмоциональные строки вызывают в читателе не только интерес, но и отчетливое чувство большой дружбы.

Основные герои книги — простые люди нашей страны.

Я не танцую в не летячи.
Кто же, по-вашему, я?
Возник хозяйственной части —
Скромная должность моя,

В Париже и вне Парижа

VI. Что скрывается за словами

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

У нас другие понятия о свободе, чем у вас, вам с нами не договориться, — слышал нам один человек в Париже, который с самого начала разговора подчеркнул, что никак не принадлежит к числу наших друзей и не принадлежит к числу наших врагов.

Другие понятия... Разве? Впрочем, если то, что мы имели возможность многократно и повсюду наблюдать во время пребывания во Франции, называется свободой, то действительно... Видно, это слово означает нечто совершенно иное, чем нам казалось.

Вот у нас, например, пресса... Всякий может писать, что хочет. Любопытно. Просто трудно поверить, например, чтобы все сотрудники печати, не считая нескольких левых газет, были так похожи друг на друга своими взглядами, характерами и настроениями, что всем им одновременно хочется писать об одном, и совсем, совсем не хочется писать о другом.

Вы можете здесь действовать, работать, свободно проанализировать свои идеи и взгляды, если только вы говорите, что Советский Союз «сметает о войне и агрессии», что империализм — это ангелы мира, что «спал Маршалла» — это благодеяние для Европы и т. д. и т. п. Но если вы уверены в обратном, тогда вы имеете «полную возможность» высказывать свои взгляды шепотом, в четырех стенах вашей комнаты (и то без всякой уверенности в безнаказанности своего поведения).

Журналист написал все, что он считал правдой и что действительно было правдой. Газета напечатала. Но эта правда оказалась невыгодной, притом невыгодной не только для французского правительства, но и для его заокеанских хозяев. Процесс, вестейный в Париже, отчаявшийся Краченко и тех, кто стоял за ним, был прав. Все обвинения, выдвинутые против подлого изменника и клеветника, нашли в ходе судебного разбирательства стопроцентное подтверждение.

И вот выносится приговор. Приговор, являющийся таким невероятным противоречием тому, что было установлено на процессе, что даже присутствующим, которые могли ожидать всего, он показался бессмысленным бредом.

Этот процесс ясно показал, что во Франции разрешается делать и чего делать нельзя. Нельзя писать правду, если она невыгодна для правящих классов или их американских инструкторов. Зато можно писать любые омерзительнейшие измышления, распространять всяческую клевету, если она выгодна и нужна тем же самым людям, подчинившим себе печать.

Мы слышали также об одном авторе, который привнес в издательство книгу. Книга понравилась, но автор поставил условием, чтобы он вставил хоть несколько абзацев, направленных против Советского Союза. Автор отказался и пошел в другое издательство. Там ему предложили то же самое требование. Он вторично не согласился и взял свою книгу такой ценой.

В итоге автор в течение двух лет не находил издателя. Он остался без заработка, без средств. В конце концов, он пошел на предложенную ему сделку. Книга вышла. Не знаю, как теперь чувствует себя «свободная совесть» автора.

атеким стремлениям отстранить Жолио-Кюри, как человека, известного своими прогрессивными взглядами, от исследований в области атомной энергии. Ибо он не скрывает того, что хочет видеть в атомной энергии источник жизни и блага для человечества, а не оружие смерти и разрушения.

Но, может быть, кому-нибудь придет на ум утверждать, что именно в этом и проявляется свобода печати: дескать, те, кто считает неправильными действия даже такого крупного человека, как Жолио-Кюри, имеют возможность высказаться об этом на страницах газет.

Вотор Краченко неправооснованен, а Жолио-Кюри чернить и пелюговать разрушено. Краченко имеет полную возможность высказывать свои «убеждения», но Жолио-Кюри ее не имеет.

Вы можете здесь действовать, работать, свободно проанализировать свои идеи и взгляды, если только вы говорите, что Советский Союз «сметает о войне и агрессии», что империализм — это ангелы мира, что «спал Маршалла» — это благодеяние для Европы и т. д. и т. п. Но если вы уверены в обратном, тогда вы имеете «полную возможность» высказывать свои взгляды шепотом, в четырех стенах вашей комнаты (и то без всякой уверенности в безнаказанности своего поведения).

Группа польских шахтеров из этой местности должна была выехать на родину уже давно. Люди распродают вещи, сдали квартиры, — и тогда французские власти внезапно отказались предоставить транспортные средства. Польское правительство заявило, что придется в Гаэр пароход, на котором горняки смогут выехать к себе домой. Французское правительство любезно «ответило», что не может гарантировать проезд до Гаэра. Что же это означает? Только то, что людей задерживают здесь насильно, что в этой «стране свободы» они являются узниками, что работа, которую они выполняют, это просто-напросто принудительный труд.

Да, о французской свободе польские шахтеры во Франции могли бы вам рассказать очень многое. Вот шахтер Вдовьяк, — он принимал активное участие в забастовке и потому стал «неудобен». Но его «судилище» было обвинить в чем-нибудь другим, а не в участии в стачке, формально не запрещенной законом. И вот Вдовьяк обвиняет в инималже и атавизме долгий процесс, на котором все же устанавливается полная неоснованность обвинения. Весь ход этого процесса говорит, кричит, вопиет о «свободе», кровавыми следами расписавшейся на теле Вдовьяка. Об этой «свободе» многие могли бы сказать его подоманные ребята, его изуродованные люты, обитые легким.

Да, видимо, слово «свобода» и впрямь может иметь много значений, и им можно конглобировать, как мячом. Но вот мы, имеющие «другое понятие» о свободе, все же прекрасно договариваемся с людьми со всего света. И оказывается, что такое же понятие о свободе, как у нас, есть и у Пабло Неруды, преследуемого писателя из Чили, и у студентов из Вьетнама, и у греческой молодежи, и у знаменитого перуанского певца Поли Робсона, и у Говарда Фаэста из Соединенных Штатов, и у писателя Бразилии, профессорских деятелей Мексики, ученых Англии, Нет, нет! То, что мы называем свободой, называется свободой весь прогрессивный мир. А то, что считают «свободой» этот наш собеседник, «не приносящий себя к числу наших друзей», и все ему подобные, это — если иметь в виду большинство народа, — свобода в кандалах, свобода за решеткой, свобода в тюремной камере, это полная свобода умирая, а не живя.

Зад Всемирного конгресса сторонников мира до края, до последнего места был перенесен делегатами со всех концов света, из всех стран, делегатами всех народов мира. Для всех этих людей слова означают то, что они на самом деле знают. И свобода — это свобода, и счастье человека — это счастье человека, и мир — это мир, и преступление — это преступление, и война — война. Тут нет никаких «разностей» и недомолвок. И мы говорим о мире со всеми на общепонятном языке и всегда говорим с теми, кто, произнося слово: свобода, — думает действительно о свободе, а произнося слово: мир, — имеет в виду действительно мир.

По той «свободе», которую предлагал нам наш собеседник, той «свободой» печати, убеждений, искусства, по поводу которой официальные круги здесь так много декларируют, кричат и бьютая, — этой «свободой» нас не обманешь. Воистину черен и горек ее вкус.

города и местечки. Не разрешается ехать по основным магистралям. Ворота французских городов закрываются перед французскими гражданами. Оказалось, что свобода не простирается так далеко, чтобы французская молодежь могла свободно передвигаться по французским дорогам.

— Но вот, например, Гарри Дэвис мог же свободно приехать... Вот именно. Гарри Дэвис мог свободно приехать. Но пламенный поэт и борец за свободу Пабло Неруда из далекого Чили принужден был крадучись, нелегально переходить границы, чтобы от имени своего угнетенного народа произнести на конгрессе слово против войны. Но представителям Польши, Чехословакии и других демократических стран, как и нам, представителям СССР, предоставили лишь по восьми виз на право въезда в Париж. А представителями четырехсотмиллионного китайского народа было вообще отказано в этом праве, не выдано ни одной визы.

Разумеется, если бы организаторы «контрпрогресса», провокационного фарса, разыгранного Сертром и блюмовцами, попросили визы, то им наверняка была бы предоставлена полная свобода. Но на этот компротрирующий конгресс не нашлось охотников ехать. Никто не проехал виз.

Свобода... В одной из зал, где мы выступили, и получила маленькую записочку: «Просим сказать несколько слов польским, в зале много польских шахтеров». А затем посыпались вопросы: почему нас здесь держат в плену, почему нас не выпускают? Мы хотим вернуться на родину, хотим работать для своей страны, для своего народа, а не погнать здесь в нищету под пулями...

Группа польских шахтеров из этой местности должна была выехать на родину уже давно. Люди распродают вещи, сдали квартиры, — и тогда французские власти внезапно отказались предоставить транспортные средства. Польское правительство заявило, что придется в Гаэр пароход, на котором горняки смогут выехать к себе домой. Французское правительство любезно «ответило», что не может гарантировать проезд до Гаэра. Что же это означает? Только то, что людей задерживают здесь насильно, что в этой «стране свободы» они являются узниками, что работа, которую они выполняют, это просто-напросто принудительный труд.

Да, о французской свободе польские шахтеры во Франции могли бы вам рассказать очень многое. Вот шахтер Вдовьяк, — он принимал активное участие в забастовке и потому стал «неудобен». Но его «судилище» было обвинить в чем-нибудь другим, а не в участии в стачке, формально не запрещенной законом. И вот Вдовьяк обвиняет в инималже и атавизме долгий процесс, на котором все же устанавливается полная неоснованность обвинения. Весь ход этого процесса говорит, кричит, вопиет о «свободе», кровавыми следами расписавшейся на теле Вдовьяка. Об этой «свободе» многие могли бы сказать его подоманные ребята, его изуродованные люты, обитые легким.

Да, видимо, слово «свобода» и впрямь может иметь много значений, и им можно конглобировать, как мячом. Но вот мы, имеющие «другое понятие» о свободе, все же прекрасно договариваемся с людьми со всего света. И оказывается, что такое же понятие о свободе, как у нас, есть и у Пабло Неруды, преследуемого писателя из Чили, и у студентов из Вьетнама, и у греческой молодежи, и у знаменитого перуанского певца Поли Робсона, и у Говарда Фаэста из Соединенных Штатов, и у писателя Бразилии, профессорских деятелей Мексики, ученых Англии, Нет, нет! То, что мы называем свободой, называется свободой весь прогрессивный мир. А то, что считают «свободой» этот наш собеседник, «не приносящий себя к числу наших друзей», и все ему подобные, это — если иметь в виду большинство народа, — свобода в кандалах, свобода за решеткой, свобода в тюремной камере, это полная свобода умирая, а не живя.

Зад Всемирного конгресса сторонников мира до края, до последнего места был перенесен делегатами со всех концов света, из всех стран, делегатами всех народов мира. Для всех этих людей слова означают то, что они на самом деле знают. И свобода — это свобода, и счастье человека — это счастье человека, и мир — это мир, и преступление — это преступление, и война — война. Тут нет никаких «разностей» и недомолвок. И мы говорим о мире со всеми на общепонятном языке и всегда говорим с теми, кто, произнося слово: свобода, — думает действительно о свободе, а произнося слово: мир, — имеет в виду действительно мир.

По той «свободе», которую предлагал нам наш собеседник, той «свободой» печати, убеждений, искусства, по поводу которой официальные круги здесь так много декларируют, кричат и бьютая, — этой «свободой» нас не обманешь. Воистину черен и горек ее вкус.

Николай АСЕЕВ

Судья Медина

Отказавшись отвечать на вопрос обвинителя, редактор «Дейли уоркер» Гейтс сошелся на право, предоставляемое ему конституцией. Но, несмотря на это, Медина приказал Гейтсу отвечать на вопросы. Когда Гейтс отказался это сделать, Медина заявил, что Гейтс обвиняется в неуважении к суду, и приговорил его к тюремному заключению. Из газет.

В Америке живет судья Медина; мир не выдал дубовой господина: все, что на взгляд не нравится ему, готов он тотчас засадить в тюрьму. Куда ж он гневно обращает взоры? Туда — где гангстеры? Убийцы? Воры? Ничуть! Ничуть! Их — он готов простить, он по домам готов их отпустить. Он лишь тогда взъярится, неистов,

когда на суд приводит коммунистов. Вот тут-то он впадает в буйный раж, кусает ланками, ломает карандаш: «Молчать, — кричит, — молчать! Мы знаем мысли красных, американской публике опасных!» Однажды, утомился от долгих дел, судья Медина, задремав, сидел. Варуг видит: входит подсудимых двое в старинном платье... — Это что такое? Как ваше имя? — Джордж Вашингтон! — А вы? — В жизни звался я Линкольном! — У вас весьма непринужденный тон, вы, что ж, принадлежите к недовольным?

— Да! Оба недовольны, — на и, — что конституцию забыли вы, судья! — Линкольн ли, Вашингтон — мне все едино! — Я сам себе закон! — орет судья Медина, — На конституцию все ссылки ваши прочь! Здесь конституция не может вам помочь. Молчать! Не возражайте! Прощу иметь в виду, что мы вам здесь заткнуть сумеем глотку, и за неуважение к суду — уже! Я вас сажаю за решетку! Однако, где ж собака здесь зарыта? Да не зарыта! Лает с Уолл-стрит!

Правда перед полицейским судом

Анатолий СУРОВ

Уже более четырех месяцев тянется в Нью-Йорке этот процесс. Здание суда окружено плотным полицейским кордоном. Американские журналисты подкапывали дом охраняют 45 сыщиков, 38 полицейских офицеров, 14 конных полицейских, 305 обыкновенных полицейских, так сказать, рядовых полицейской гвардии, вооруженных престо пистолетами и престо револьверами дубинками. Стража явно сверхчисловая, особенно если учесть, что в зал суда допущается всего 70 посетителей плюс 70 репортеров. Даже реакционная газета «Нью-Йорк таймс», и та не удержалась от замечания, что 400 полицейских — это, пожалуй, слишком...

Судья, ведущий процесс, в ответ на требование уменьшить число полицейских, охраняющих суд, заявил: «Я не намерен с боем пробиваться через толпу, которая осмеливается войти в зал суда, не имея соответствующей защиты». Народ осмеливается «судью».

Имя этого судьи — грязное имя грязного человека, взявшего на себя позорный труд осудить правду. Медина. Он судит лидеров коммунистической партии США. Им, представителям передовой части американского народа, предьявлено ложное, но трескучее и многословное обвинение. Чего там только нет! Реакция не поскучила на громкие фразы.

Но вот один неистовый знаменательный факт. Хотя обвинительное заключение предьявлено через три года после того, как якобы состоялся «заговор против американского правительства», все глаголы в этом уникальном документе употреблены только в сослагательном наклонении.

Что это значит? Обращаемся к изданному в Нью-Йорке учебнику английской грамматики. В этом учебнике (как и в любом другом) сказано: «Сослагательное наклонение выражает желательное, условное или иреальное действие».

Иначе говоря, американские коммунисты удерживают не в том, что они совершили нечто противозаконное, но в том, что они могли совершить, «если бы...».

В том, что они, как утверждали авторы этих провокационных обвинений, «намеревались собраться», «намеревались осудить», «намеревались опубликовать», «намеревались проповедывать», а может быть даже «намеревались намереваться!».

Такова суть обвинений. Однако эти обвинения в сослагательном наклонении вовсе не столь уж безобидны, как может показаться. Подсудимый грозит дерзким расвету немецкого фашизма. Нынешние провокаторы в Уолл-стрите не сумели, однако, к их великому огорчению, подыскать нового Ван-дер-Люббе.

Обширив квартиру, этот выродок попытался изнасиловать семилетнюю дочь Томпсона. Девочку спасла старуха нянька, которая стала звать на помощь, невзирая на угрозы сыщика.

Барк был арестован. И осужден? — спросите вы. Воссе нет. Судья — по просьбе прокурора! — отправил этого наемного провокатора, растлителя малолетних «на экспертизу» в больницу. Преступление осталось безнаказанным, зато сам Томпсон вскоре был предан суду.

Вот она, американская «демократия» во всей своей красе! Демократия, позволяющая маньякам, одержимым военным психозом, возглавлять министерства и произносить людоедские речи. Демократия, небывало внимательно к выродкам-дегенератам, почтительно-заботливая по отношению к явному преступнику Барку и его жлке, без зренья совети предававший суду честных людей. И разве не чудовищно то, что юристы — защитники коммунистов обнаружили в составе суда Медина одного из подручных насильника Барка! Демократический суд в понимании американских политических бизнесменов — это такой суд, на котором преступники судят честных людей.

Столь же «демократична» и американская буржуазная пресса. Эта «свободная» печать свободно умалчивает о деле Барка и еще более свободно клеветает на американских коммунистов.

Однако, к великому раздражению устроителей этого процесса, американский народ услышал из зала суда не только вопли клеветников, но и спокойные, ясные, полные достоинства и уверенности речи коммунистов. Эти речи легко преодолевают тройной полицейский кордон. Их слышит Америка, их слышит весь мир. Американские коммунисты смело обвиняют действительных преступников — монополистов и агентов Уолл-стрит.

Американский «суд» старается заглушить этот голос правды, голос народа. Недоволен Медина отправил в тюрьму коммуниста Гейтса, Холла и Уинстона. Он пытается не только сорвать нормальный ход судебного процесса, но и заставить замолчать защитников, помешать коммунистической партии разоблачать цели Уолл-стрит, стремящегося к войне.

В открытом письме, опубликованном в прогрессивной американской печати, руководители американской компартии Фостер и Девинс писали: «Угроза войны исходит не от СССР, который отдал миллионы жизней в общей борьбе против фашизма. Американский народ и Советский Союз не несут ответственности за нынешнее напряженное положение в мире. Вся ответственность лежит на Уолл-стрите и его марионетках в обеих партиях. Только капиталистические тресты, вроде «И. Г. Фарбенинструти» и Люпонг, — эти торговцы смертью — провоцируют войну и нажимают на ней. За то, что мы придерживаемся таких взглядов и боремся за то, чтобы сдержать поджигатель войны и содействовать американо-советскому сотрудничеству на пользу мира, вы обвиняете нас «пределалями»...».

Пас никогда, конечно, не назвали бы «пределалями», если бы мы поддерживали Северо-атлантический военный союз... Но мы считаем высшей формой патриотизма высказываться против войны, в защиту мира.

Народы земного шара солидарны в своем стремлении к миру и демократии. Именно поэтому американский народ никогда не согласится с Медино и его хозяевами с Уолл-стрит, никогда не изовет предателями сторонников мира. Речь, произведенная недавно на Всемирном конгрессе сторонников мира, являются страшными обвинениями устроителей «суда» над американскими коммунистами. Мощный голос народной правды клеймит военным зором врагов труда и создания, демократии и мира — тех, кто заслужил позорную славу поджигателей новой войны.

Простые люди знают, что американский народ рано или поздно сумеет найти и покарат действительных предателей дела мира. Простым людям всего мира известно, где находится гнездо поджигателей войны. Американскому народу тоже известен этот адрес: Уолл-стрит.

В нескольких строках

Муниципальный совет города Милуоки (штат Висконсин, США) недавно потребовал провести «политическую чистку» среди парикмахеров города на том основании, что «одни парикмахеры способны в течение дня принять коммунистические идеи 20—30 клиентам».

По сообщению прогрессивного бюллетеня Главному редактору В. ЕРМИЛОВ. Редакционные коллеги: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕИЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Муниципальный совет города Милуоки (штат Висконсин, США) недавно потребовал провести «политическую чистку» среди парикмахеров города на том основании, что «одни парикмахеры способны в течение дня принять коммунистические идеи 20—30 клиентам».

По сообщению прогрессивного бюллетеня Главному редактору В. ЕРМИЛОВ. Редакционные коллеги: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕИЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

В годы, когда гитлеровцы пытались уничтожить культуру в оккупированной части Европы, в этих странах появлялись в качестве «платониче» один напонаженный субъект. На лачане его сюртука рядом со свастикой красовался значок нацистской партии. Выходя из эстрады, он обращался к публике с фашистским приветствием, после чего с бешеным «афасом» отбаранивал программу, состоящую из творений фашистских музыкальных «светил». Это был некий Вильгельм Кемпф.

Довольно часто его видели также и в Стамбуле.

МУЗЫКА ТУРЕЦКИХ ФАШИСТОВ

заявить пост директора турецкой филармонии и благосклонно его принял.

Но известная часть общественности возропала против такой наглости; возмущение было вызвано тем, что власти разрешили передать бразды правления в турецкой филармонии садисту, который чернил свое вдохновение в леденящих душу криках людей, брошенных в германские дубинки. Появились статьи, разоблачающие Кемфа и его высоких турецких покровителей.

Стамбуле гитлеровскую газету «Тюркише пост».

И этот фашист принялся на страницах «Сон поста» ревностно защищать приятель гитлеровца, с невозмутимым нахальством вопрошая: «Что из того, что Кемпф был сторонником нацистского режима? Разве может повредить нам тот факт, что он — бывший фашист?»

— Что же, — спрашивает по этому поводу орган болгарского Союза писателей «Литературен фронт», — может быть, турецкие реакционеры и впрямь стали «спиритическими» в искусстве? Разумеется, ничего подобного. Со всем недавно выступивший в турецком меджлисе мракосе депутат Куртулузи с пеной у рта требовал, чтобы в Турции были изъаты произведения «русских коммунистов (!) Лермонтова и Гоголя».

Суд происходит в атмосфере «ненависти и истерии», — так заявил американский юрист Хейс. И это ясно для всех. Американский педагог Гарри Уорд высказался по этому поводу еще более резко. «Наша капиталистическая демократия», — сказал он, — создала преюнкция средневековой невинности».

Всема любопытно мнение присутствующих на суде иностранных наблюдателей. Английский адвокат Уитти, кубинские юристы Доминго Вильягес и Карлос Рамо охарактеризовали процесс, как нарушение гражданских свобод, как «пределалями» отдельных лиц за их политические принципы и философские убеждения».

Ну, а судьи кто? Вот важный вопрос! Медина назначен на пост председателя суда над руководителями американской компартии не кем иным, как Ногсом. Главным судьей федерального суда в Нью-Йорке Ноке, тесно связан с крупнейшими рифкедлеровскими компаниями. Он изнал немало денег, старательно приспосабливая американские законы к интересам крупных монополий. Любопытный пример: суду подкалала фирма «Дженерал электрик». Ее